
ДЕТЕКТИВНЫЙ
РОМАН

ЧИТАЙТЕ
ЛЮБОВНО-ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ
ЛЮДМИЛЫ МАРТОВОЙ:

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Дьявол кроется в мелочах
Туман над темной водой

ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

МАДАМ БУДЕТ
В КРАСНОМ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Iakov Filimonov, Pandorabox, Yermolov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мартова, Людмила.

М29   Мадам будет в красном : [роман] / Людмила
Мартова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Де-
детивные романы Людмилы Мартовой).

ISBN 978-5-04-110819-9

Популярная картинная галерея «Красный угол» готовилась к открытию выставки, когда случилось то, чего не ожидал никто... Злодей оказался истинным эстетом и не просто убил пожилого владельца галереи Михаила Бабурского, но и создал из его тела жуткую инсталляцию. Вскоре погибла вдова Михаила, а потом галерейный фотограф. Все сотрудники были в ужасе, и только Анна могла чувствовать себя в безопасности, ведь у нее завязался роман с капитаном Зубовым, расследующим чудовищные убийства. Но поможет ли ей это?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110819-9

© **Мартова Л., 2020**
© **Оформление. 000 «Издательство**
«Эксмо», 2021

---

*Мы с тобой одной
крови: ты и я.*

*Редьярд Киплинг
«Книга джунглей»*

* * *

Сколько я себя помню, нас всегда было двое. Говорят, ребенок может вспомнить все, что с ним происходило, лет с трех, не раньше. Не знаю, так ли это. Мне кажется, мои воспоминания о детстве тянутся гораздо дальше, и иногда в памяти всплывают смутные образы из того времени, когда мне было полтора-два года. Точнее, нам, поскольку я не помню случая, чтобы я бывала одна. Только вдвоем. Та, третья, пытавшаяся прокрасться в наш уютный внутренний мирок, в котором нам было так хорошо, всегда была лишней. Воспринималась инородным телом, досадной помехой, от которой постоянно хотелось избавиться. Мы и избавились, как только представилась такая возможность. Мы очень разные и совсем непохожи и все-таки связаны в единое целое чем-то более крепким, чем общая пуповина. Я не знаю названия тому, что нас объединяет, но уверена — мы будем вдвоем всегда.

ГЛАВА 1

Если тебя зовут Липой, то не стоит ждать от жизни слишком многого. Что она будет подкидывать с лихвой, так это липовых друзей, липовую любовь, липовое благополучие... По крайней мере, в последнее время Олимпиада Сергеевна Бердникова оценивала свою жизнь именно так. Тридцать восемь лет, уже не девочка. Говорят, неплохой врач. Говорят, эффектная женщина. Говорят... Да много чего говорят, вот только ей от этого не легче.

Она очень рано поняла, что все ее проблемы связаны с детством, уходят туда корнями, крепкими, витыми, перекрученными в тугие узлы, распутать которые не под силу самому успешному психиатру. Даже у знаменитого профессора Лагранжа, обожаемого Липой учителя и наставника, не получилось развязать их все. Она физически ощущала эти узелочки, узелки, узлы в своей душе, чувствовала причиняемую ими тянущую боль и отчетливо понимала: это они мешают ей стать счастливой.

Для Олимпиады Бердниковой с юности не было ничего более притягательного, чем человеческие души, в темных закоулках которых прятались сонмища страшных чудищ. В борьбе с ними можно было найти ответы на многие мучающие ее вопросы. В случае победы, разумеется. Она со школьной скамьи хотела стать психиа-

тром, и вопроса, куда поступать, даже не возникло: только в медицинский. Ей нужно было найти ответы, только и всего. Нужно было победить чудовищ. Что ж, приходится признать, на этом пути продвинулась она не сильно.

Липа вздохнула, встала из-за стола и подошла к окну. За окном была унылая холодная белизна декабрьского больничного двора. Впрочем, этот двор выглядел унылым в любое время года. А еще отчего-то, входя в узорчатые железные ворота, отделяющие областную психиатрическую больницу от остального мира, Липа всегда ощущала стойкий запах карболки, которую в медицине не использовали уже лет двадцать. В такие вот игры разума ввергало ее собственное подсознание. Больное подсознание, положила руку на сердце. Ведь психиатры – психически не самые здоровые люди на Земле. А может быть, и самые нездоровые. Это смотря с какой стороны посмотреть.

Некстати вспомнилось знаменитое изречение на латыни: «Medice, cura te ipsum» – «Врач, исцели себя сам», и Липа снова вздохнула. Куда уж ей, если самому Лагранжу оказалось не под силу исцелить ее полностью. Он не победил ее внутренних чудовищ, нет, просто заставил их на время испугаться и притихнуть.

Надо бы сходить к старику. Липа любила общаться со своим учителем, чьи советы ценила не только на профессиональном поприще, но и в частной жизни. Однако в возрасте восьмидесяти трех лет Лагранж ушел на пенсию, и Липа лишилась возможности просто так, по-дружески, забегать к нему в соседнее отделение судебной психиатрии. Конечно, Франц Яковлевич всегда был рад гостям, тем более Липа Бердникова ходила у него в любимицах еще с тех пор, как пришла в психиатрическую

больницу интерном, но выбираться к старику часто у нее все-таки не получалось.

Липа напряглась и вспомнила: да, так и есть, в последний раз она навещала старика в октябре, а сейчас уже декабрь. Теперь понятно, отчего ей так неуютно в последние дни. Без внимательно-строгого, но доброго взгляда профессора ее чудовища поднимали голову и норовили выползти из своего укрытия, а самой Липе было не под силу загнать их обратно. Н-да, приходится признать, что ученик не превзошел своего учителя. Тут Липа мимолетно улыбнулась – человек, способный превзойти профессора Лагранжа, еще не родился.

От воспоминаний о Лагранже настроение немного улучшилось, и, бросив последний взгляд за окно, на серый снег, едва-едва прикрывавший проплешины грязного асфальта (начало зимы в этом году выдалось на удивление бесснежным), она вернулась за письменный стол, где ждали истории болезней. Документы необходимо заполнить после утреннего обхода.

Однако поработать Липе так и не удалось. Скрипнула входная дверь, и в кабинет ворвался вихрь, именуемый Станиславом Крушельницким. После выхода Лагранжа на пенсию именно он возглавил отделение судебной психиатрии. Злые языки поговаривали, что Крушельницкий «подсидел» старого профессора, вовсе не собиравшегося на заслуженный отдых, но Липа знала – это не так. Себе в преемники Франц Яковлевич готовил Стаса осознанно и загодя, а заявление об уходе подал, только убедившись, что к важной и ответственной работе Крушельницкий готов.

– Пообедаешь сегодня со мной? – спросил Стас, присаживаясь на край стола, и Липа снова вздохнула. При-

вычку сидеть на столе она ненавидела, равно как и любые другие проявления разгильдяйства и распушенности.

Впрочем, вздох ее был связан даже не с развязностью коллеги, а с самим приглашением на обед. Крушельницкий ухаживал за ней прямолинейно и целенаправленно уже несколько лет, но Липа, обжегшаяся однажды, как огня боялась новых близких отношений. Привычный образ жизни убежденной одиночки давал чувство безопасности, однако с годами этот защитный «панцирь» намертво прирос к ней. Ей не нужна была новая боль, обязательно идущая в комплекте с любым мужчиной. А раз так, то и мужчины были не нужны. Без них жизнь казалась чуточку проще.

Но Стас оказался весьма настойчив, и в последнее время Олимпиада Бердникова стала опасаться за крепость своих бастионов. Крушельницкий не выглядел мерзавцем, вот в чем было дело. Да и за все годы совместной работы в больнице Липа не слышала ни об одной его любовной истории. Сердце ни одной медсестры не пострадало, несмотря на то что медсестры страсть как любили разбивать себе сердца и делали это по несколько раз в год.

Сначала Стас Крушельницкий был женат и не позволял себе даже случайного проявления интереса к другим женщинам. А потом развелся и стал оказывать знаки внимания ей, Липе. Причем делал это так элегантно и ненавязчиво, что устоять было трудно, хотя Липа пока и держалась.

– Так как, на обед съездим? – Голос Стаса выдернул Липу из ее мыслей, и она покаянно улыбнулась: извини, мол, замечталась.

– Нет, сегодня не получится, – тряхнула головой, отбрасывая все ненужное. – Я в ночь дежурю. А в обед хотела до мамы доехать, посмотреть, не нужно ли чего.

– Давай отвезу, – предложил Крушельницкий, знавший, что летом мать Липы перенесла инсульт и теперь при поддержке дочери выкарабкивалась из болезни, не теряя ни мужества, ни позитивного настроения. Эти женщины – мать и дочь – вообще умели бороться и сражаться, и он много бы дал, чтобы иметь возможность им хоть немного помочь.

– Я на машине сегодня, – Липа скупно улыбнулась, смягчая очередной отказ, – два дня, как из ремонта. Надеюсь, еще пару недель побегаает.

Машина у нее была старая и все время ломалась, но к этому, как и к любым другим внешним обстоятельствам, Олимпиада Бердникова относилась философски. В поломке машины, протекающей крыше, сильной грозе, метели или лютом морозе не крылось ничего, способного ввергнуть ее в душевное смятение. Все это не имело значения. А неважное от действительно важного она научилась отличать еще в детстве.

– Как Мария Ивановна? – Стас считался «другом дома», часто бывал у Липы и маму ее знал. Более того, прекрасно с ней ладил.

Мама не раз и не два намекала дочери: какой хороший человек этот высоченный симпатяга-доктор, грех держать такого просто в друзьях, но Липа была тверда аки камень. Дружить со Стасом Крушельницким ей нравилось, любые изменения в отношениях были чреваты ухудшением сложившегося статус-кво, а ничего ухудшать Липе не хотелось.

– Нормально. – Она сняла очки и аккуратно, чтобы не размазать тушь, потерла пальцами веки. – Метеочувствительность у нее сильная. В одни дни хуже, в другие лучше. Бывает, совсем хорошо, а бывает, речь с утра затруднена и нога не слушается. Да ты и сам все знаешь.

– Можно napроситься в субботу на беляши? – Стас предпринял еще одну попытку, поскольку парнем был упорным. – Липа! Я так соскучился по вашим фирменным «бердниковским» беляшам. Аж сил нет!

– До субботы еще дожить надо, – сообщила Липа, оценившая его настойчивость. – У меня на этой неделе два дежурства, и в субботу я бы лучше отлежалась, чем у плиты стоять.

– Давай я за тебя одно отдежурю, – тут же с готовностью предложил Стас.

Липа лишь усмехнулась в ответ. Он действительно иногда подменял ее с дежурствами, особенно несколько месяцев назад, когда маме было совсем худо, но нельзя же пользоваться его добротой бесконечно. Рано или поздно за помощь придется платить. А платить она не готова, нет.

– Ой, Стас! – вдруг вспомнила она. – В субботу точно не получится. У Аньки в галерее какая-то умопомрачительная выставка открывается. Надо сходить.

– Неужели «Ее Высочество снизошли», и ты тоже приглашена на выставку? – Стас неприкрыто изумился, поскольку знал обо всех сложностях во взаимоотношениях Липы и ее младшей, да к тому же еще и сводной, сестры.

Впрочем, сложности – это не вполне верное определение, скорее непреодолимые разногласия. Причем, как понимал Крушельницкий, с самого детства. И чего Олимпиаде вдруг понадобилось на этой самой выставке?

– Ты же знаешь... Нет, не приглашена. – Липа снова скупно усмехнулась, надела очки и решительно пододвинула к себе стопку историй болезни, давая понять, что разговор закончен. – Она никогда меня никуда не зовет и вообще заставляет себя сделать усилие, чтобы просто признать мое существование. Но я хочу туда сходить. Все равно, пусть в очередной раз испорчу себе настроение. Мне надо ее увидеть, что-то мне неспокойно.

– Я вообще не помню, когда тебе было спокойно. – Стас нахмурился и слез со стола, решив больше не терзать Липу своим присутствием. – Ладно, забудь! Беяши в какой-нибудь другой раз. Хочешь, я с тобой на эту дурацкую выставку схожу?

Тут Липа улыбнулась искренне и широко. Предложение ее действительно обрадовало: приятно – друг в очередной раз протягивает руку помощи.

– Конечно! – воскликнула она. – Это было бы просто здорово! И спасибо тебе...

* * *

Анна Бердникова забросила капсулу в кофемашину, щелкнула кнопочкой и скользнула взглядом по собственному отражению в зеркальной дверце холодильника. Анна была красива и знала это. Холодильник не показал ничего нового. Невысокая худощавая фигура, изящное, тонкой лепки лицо, живая мимика, выразительные темные глаза, не очень густые, но умело подстриженные волосы. Короткая, «под мальчика», асимметричная стрижка очень шла ей, делая лицо еще прелестнее. Анна с детства признавала только короткие

стрижки, в отличие от сестры, предпочитавшей обычный «конский» хвост.

Вспомнив о сестре, она едва заметно скривилась, между бровями появилась неглубокая морщинка и тут же исчезла, изгнанная усилием воли. Не хватало еще хмуриться, так и до настоящих морщин недалеко. Тем более из-за сестры, которую все равно не переделать.

Кофемашина интеллигентно звякнула, сообщая о готовности первой порции. Анна достала чашечку – белую, из тонкого фарфора – она любила окружать себя красивыми, а главное, элегантными вещами. Налила кофе, полюбовалась чудной, крепкой, именно такой, как нужно, пенкой, сделала аккуратный глоточек и зажмурилась от удовольствия. Так, каковы планы на день?

Сегодня в галерее, где она работает куратором, открывается новая выставка. Вернее, вернисаж для широкой публики назначен на субботу, но именно сегодня, в четверг, назначены приемка выставки высокой комиссией из областного Департамента культуры и пресс-показ. Это было ее собственным ноу-хау – показывать все нужным людям чуточку заранее, чтобы создать у них чувство собственной исключительности и еще до официального открытия обеспечить позитивные отклики, подогревая тем самым интерес публики. Анна знала, что выставку ждет фурор, предвкушала его и смаковала свое предвкушение маленькими глоточками, как очень холодное и очень сухое шампанское. Нельзя не признать, ее вклад в успех сегодняшнего события просто неоценим.

Галерея была маленькая, существовала на частные пожертвования. Точнее, практически полностью финансировалась одним человеком – Михаилом Валентиновичем